

А.В. ОБОЛОНСКИЙ

О мифологеме “особого пути”

Автор рассматривает концепцию “особого пути” развития России. В статье показано, что эта идеология представляет собой искусственный конструкт, пропагандируемый ангажированными СМИ и обслуживающий интересы авторитарной власти посредством внедрения в массовое сознание идеи культурного детерминизма. Утверждается, что Россия может отказаться от навязанного ей искусственного “особого пути” в никуда и двигаться по цивилизованному пути развития.

Ключевые слова: “особый путь”, псевдомодернизация, мифология, легитимация авторитарного режима, идеология.

Максимально лапидарно суть концепции “особого пути” можно передать тремя чеканными фразами трех великих поэтов: Р. Киплинга — “Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут”, А. Пушкина — “правительство — единственный европеец в России” и Данте — “оставь надежду, всяк сюда входящий”. Каждая из них отражала некие реалии и смыслы своего времени и места. Но с их проецированием на сегодняшний день я не могу согласиться. Ни эмоционально, ни, что важнее, научно. Попытка объяснения причин этого — одна из задач настоящей статьи.

Проблематика имеет множество аспектов. Затрону лишь некоторые. Начну с ряда понятийных уточнений, что необходимо для научного или аналитического текста.

Идеологема “особого пути” — не оригинальна. Каждая страна идет по своему особому пути. А предметом анализа в культурологическом смысле выступают различные цивилизационные инварианты, лежащие в основе его выбора. И для меня модернизация — не просто совокупность реформ, а изменение основ системы отношений. “Особый путь” в одних случаях имеет модернизационный смысл, как в США, в других — подчеркнуто традиционалистский, как в Японии до эпохи Мэйдзи. Но их **объединяет претензия на ту или иную форму национальной исключительности**. Например, в странах Латинской Америки одно время пользовались популярностью клише, порой звучащие для нашего уха забавно: “аргентинская державность”, “особая чилийская духовность”, “уругвайская всечеловечность”, “перуанский народ-богоносец”. Разумеется, каждое в “своей” стране. Пожалуй, впору оговориться, что за возможные аллюзии автор ответственности не несет!

Но, превращаясь в инструмент политиканской эксплуатации и манипуляции, эта “забавность” может привести к катастрофе. Известно, куда завел Германию *Zonder-*

Оболонский Александр Валентинович — доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая, 20. E-mail: aobolonsky@hse.ru

weg¹. Трагическая история его выдвижения на политическую авансцену в веймарской Германии и социально-психологические типы личности, ставшие его мотом, в художественной литературе описаны Л. Фейхтвангером, Т. Манном, Б. Брехтом, а в научной аналитике — Т. Адорно, Э. Фроммом, Х. Арендт (см. также [Хафнер 2016]).

В России исторически преобладал **симбиоз традиционалистских геополитических целей и современных средств их достижения**. Вообще милитаризм, казарменный стиль российской модернизации — имманентный атрибут нашего “особого пути” — от Петра I до Сталина (подробнее [Клямкин 2011]). Яркий пример — петровская модернизация начала XVIII в. Я даже предпочитаю называть ее **псевдомодернизацией**, ибо ее прагматичной целью было не изменение, а укрепление все того же деспотического *anciene regime* путем придания ему большей функциональной эффективности за счет использования готовых западноевропейских средств при сохранении, словами В. Ключевского, традиционного московского “тяжелого, угнетательного отношения к людям”. Петр обратился к Западу отнюдь не за цивилизацией, а за ее плодами, “искал на Западе техники, а не цивилизации” [Ключевский 1958, с. 22]. Идея — взять инструменты, прежде всего военного характера, но отнюдь не дух, их породивший, — поощрение свободы и инициативы. Весьма знаменательны записанные за ним А. Остерманом слова: “Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом” [Ключевский 1958, с. 272–273]. Именно такую эволюцию, причем в очень жесткой и яркой форме, проделала Япония в период, известный под именем “революции Мэйдзи”. и течение жизни следующего поколения. Впрочем, поскольку ушедшие века и другие страны — не тема данной статьи, обратимся к последнему российскому столетию.

В России XX—начала XXI в. идеологема “особого пути” и связанная с ней мифология — одна из главных основ политической легитимации авторитарного режима. Иногда — более оборонительно-изоляционистской, как в брежневские времена, иногда, как в последнее десятилетие, — агрессивной. Причем агрессия может облекаться и в мессианскую форму, как, например, идея мировой революции и деятельность III-го Интернационала. При провале же она легко переходит в изоляционизм. При этом для ее конструирования реальные исторические факты особого значения не имеют. Одни тасуются, другие замалчиваются, третьи выпячиваются, оживляются, заново интерпретируются, а то и конструируются удобным в настоящий момент образом. Задача конструкторов-политтехнологов и пропагандистов (в первую очередь ангажированных СМИ) совсем в другом. Прежде всего она в легитимации *status quo* и стигматизации любых попыток его изменить. “В российском случае это централизованная власть, при которой роль персон важнее законов. Идея “особой цивилизации”... в которой роль властвующих лиц неизмеримо большая, чем принято в демократических государствах. Эта же идеология призвана решать задачи политической терапии... Внедрение в массовое сознание представлений об “особой цивилизации” и ее “особом пути” должно выполнить функцию санитарного кордона, препятствующего проникновению в Россию “чуждых” ей либеральных и демократических веяний” [Яковенко 2011, с. 130]. Мифотворческое “оправдание” настоящего через ссылки на прошлое, с моей точки зрения, означает отсутствие иных аргументов. Взгляд на историю как на настоящее, опрокинутое в прошлое, в исторической науке обычно называют “презентизмом”. Думается, концепт “особого пути” подходит под это определение.

В нашем XXI в. это в первую очередь связано с переменами во внутренней политике, когда либеральные реформы 1990-х гг. сменились контрреформами путинских лет. Внешняя же политика в ее геополитическом воплощении стала своего рода переключателем для массового сознания. За последнее десятилетие концепт “особого пути”

¹ Это понятие родилось в Германии в период зарождения национального романтизма и было очень популярно в первой половине XX в., но ныне полностью вышло из “моды” вместе с осознанием того, куда этот особый путь завел.

занял непомерно большое место как в массовом, так и в “просвещенном” сознании наших соотечественников. Одни — условно назовем их “патриотами” — его лелеют и пестуют. Другие — опять же условно “западники” — относятся к нему, как к несчастью, или, по меньшей мере, как к плохому климату, в котором им, их предкам и потомкам выпало жить и умереть. Но и те, и другие трактуют его как нечто фатальное, как якобы нашу непреодолимую судьбу в духе греческих трагедий.

Живучесть мифа “особости” часто объясняют его якобы укорененностью в глубинах национального сознания. Во всяком случае, в его нынешней редакции он выступает как **“верхушечная” идеологическая конструкция**, созданная и используемая для текущих нужд людьми, которых я бы назвал **полупросвещенными “патриотами”**.

Ведь у “концепции суверенной демократии” отнюдь не народное происхождение: она зародилась в конкретных мозгах и с вполне конкретными целями. То же относится и к идеологемам “ресурсного государства” и административного ресурса, рассматриваемым как якобы неотъемлемый элемент российской специфики. Нормой объявлены и клиентельные отношения между держателями административного ресурса и потребителями государственных услуг. Все это ввел в оборот и легитимировал как нашу якобы естественную и неизбывную специфику отнюдь не народ, а прикормленные “ученые приказчики”, вся “идеология” которых состоит в том, чтобы удачно склеить, реанимировать еще существующие, но отнюдь не доминирующие патриархальные стереотипы массового сознания, и исходящий “сверху” заказ. Впрочем, с теми “профессионалами-особистами”, которые впрямую кормятся от мифа “особости”, все более или менее понятно. Деятельность их представляет интерес не в научном, а совсем в иных аспектах, прежде всего — в плане социальной (а, может, и не только) ответственности таких интеллектуалов-мифологизаторов. Они не заслуживают научного текста и анализа.

В гораздо большей степени требует осмысления другое — по меньшей мере двойной, на мой взгляд, негативный эффект мифа особости. Во-первых, он, как любая **легитимация фатальности**, оказывает на людей упадническое, деморализующее, обезоруживающее воздействие, подавляя в них потенциал инициативности, желания добиваться перемен к лучшему. Во-вторых, он служит как бы лукавым самооправданием согласно модели “ничего нельзя сделать, все предопределено”, но на самом же деле **формой пассивной адаптации**, способом “выживания” в якобы раз и навсегда заданных и непреодолимых условиях.

В основе концепции особой российской цивилизации, полагаю, лежат цели, далекие от декларируемой “подлинной духовности”, весьма приземленные практические интересы определенной группы лиц. По-моему, убедительно это показал Э. Паин в книге “Распутица”. Противопоставив объективное научное знание мифологии культурной предопределенности, он приходит к выводу, что «концепция “особой цивилизации”», обуславливающая и “особый путь”, и “особую демократию” России — весьма распространенный в мировой практике способ оправдания забываемости авторитарных режимов, что это есть не что иное, как идеологически ангажированная геополитическая спекуляция в интересах определенных групп, а ее навязывание имеет простую и прозаичную цель — исторически “освятить” сложившийся в 2000-е гг. политический режим с его “вертикалями” и патернализмом [Паин 2009]. А уж плоды западной цивилизации не просто подходят, а вовсе используются именно самыми громкими и скандальными антизападниками. Вспомним, где приобретают собственность, отдыхают, лечатся, учат детей члены нашей псевдоэлиты.

На мой взгляд, приписывание массовому сознанию россиян некой тотальной, непреодолимой подчиненности химере “особого пути” равносильно *тезису о нашей национальной неполноценности*. Но даже самое критическое видение всех трагедий и несправедливостей отечественной истории и современности не дает оснований для подобного заключения.

Некоторые из либеральных аналитиков российского “кода” отрицают существование в нем сознания так называемого “частного” человека, якобы замещенного

стереотипом “сакральности” власти. На мой взгляд, это представление не выдерживает эмпирической верификации. Более адекватно, думается, преобладание хитро опального, “уклончиво вороватого” отношения к ней.

Итак, у России, как представляется, нет “цивилизационного запрета” на переход от авторитарного к правовому режиму, тем более, что в нашем обществе, наряду с подданныческим менталитетом, с давних пор существовала и существует альтернативная, персоноцентристская контркультура, а “вся русская классическая литература... доказательство национальных российских корней концепции гражданского общества... ее защитница и нравственный гарант” [Паин 2009, с. 201]. И наш действительно особый путь как раз состоит в задаче вырваться из порочного исторического круга, воспроизводящего все те же архаичные модели взаимодействия народа и властей предрежающих. Они много раз доказали свою историческую бесперспективность. Из-за них Россия трагически проиграла XX век. Но сегодня они опять навязываются нам, теперь в оболочке якобы консерватизма, а на самом деле — ретроградства, имеющего мало общего с консерватизмом подлинным. В нынешний век они просто разрушительны, грозя стране и ее гражданам сначала коллапсом, а затем и окончательной катастрофой.

До сих пор мы как социум были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как все сложится на этот раз? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных сценариев. Но важно в полной мере осознать собственную ответственность за судьбу страны. И история, и свежайший пример соседней (совсем недавно еще братской) страны показывают, что в критические периоды не только позиция и желания так называемой политической и прочей “элиты”, а воля и поведение обычных людей, рядовых граждан, в подлинном, а не в казенно шовинистском смысле поднявшихся с колен и обретших личностное сознание и достоинство, могут стать решающим фактором, который определит дальнейшую траекторию развития. Если же мы по-прежнему будем упиваться нашей “уникальностью” или сокрушаться из-за нее (в данном случае модус несуществен), то перспективы наши печальны. Мы уже много раз упускали свой шанс и исчерпали лимит на ошибки.

А. Кончаловский, “среднее звено” клана талантливых людей, чьи вполне реальные художественные таланты, тем не менее, уступают их просто фантастическому таланту всепогодной политической приспособляемости, придал идее якобы неизменности “культурного кода” нации чеканную формулировку: “Культура — это судьба”. Звучит как дантовское “оставь надежду, всяк сюда входящий”, во всяком случае, для меня. Я не разделяю его исторического фатализма и культурного детерминизма. Причем не только эмоционально, не просто мировоззренчески, но, что важнее, и аналитически. Мне гораздо ближе позиция, которую А. Заостровцев выразил словами: “История — это не судьба и... порочный круг может быть разорван” [Заостровцев 2014^a, с. 40]. Более того, многое порой зависит от исторических случайностей и субъективных факторов. Правда, как подчеркивают Д. Асемоглу и Дж. Робинсон (и не только они), возможно не только поступательное, но и попятное движение. Да нам и самим несложно вспомнить примеры торжества реакции как в европейской, так и в собственной истории. Конечно, такие отступления не вечны. Но жизнь конкретных поколений или, как минимум, ее часть они исковеркать очень даже могут. Будущее, даже ближайшее, всегда альтернативно. И тут многое зависит от нас самих. Еще в XVII в. немецкий поэт П. Флеминг писал: “Подчас о времени мы рассуждаем с вами. Но время это — мы! Никто иной. Мы сами”. А для века нашего это вдвойне истинно.

Еще необходимо хотя бы кратко обозначить психологические и этические аспекты проблематики. В психологии это связано с концептами **коллективной идентичности, исторической травмы, комплекса неполноценности** в его оборонительной и агрессивной формах (см. об этом, в частности, работы ведущего американского политического психолога В. Волкана). Проблема **этики публичной сферы** и нависшей над нашим обществом моральной катастрофы, связанной сначала с недооценкой ее значения в 1990-е гг., а затем — с ее технократическим игнорированием в годы последующие,

вообще представляется ключевой. Однако ее обсуждение — тема самостоятельная. Скажу лишь, что **без нее даже самые изощренные экономические конструкты и институциональные усовершенствования не приведут нас к нормальному, полноценному обществу**. Критически важно, в чьи руки эти институты и конструкты попадут. Не случайно, что едва ли не основной категорией в размышлениях ведущих экономистов всего мира стала проблема доверия, что, как известно, отнюдь не принадлежит к экономической классике, а связано с человеческими качествами, о роли которых заговорил еще в начале 1960-х гг. Римский клуб (см. [Печчеи 1985]). С тех пор это стало еще более, критически актуальным, о чем свидетельствуют работы экономистов последнего десятилетия, обзор которых содержится, в частности, в работе Заостровцева “О развитии и отсталости” [Заостровцев 2014^b].

Нет экономическому редукционизму

Альтернатива — “особый” цивилизационный тупик, в направлении которого мы сейчас, хотя, к счастью, непоследовательно и неуверенно, но все же движемся. И немалую часть пути уже прошли. И если следовать концепту фатальности “особого пути”, то мы обречены. Это — версия комплекса неполноценности, которую я не могу принять ни эмоционально, ни аналитически. Хотя бы потому, что культура не гомогенна и постоянно находится в процессе развития и перемен (разнонаправленных, неоднозначных, но комплекс связанных с этим вопросов — за пределами темы статьи). Здесь же важно подчеркнуть, что в России, вопреки гонениям и репрессиям государства и иных реакционеров, никогда не переводилась **контркультура**.

Завершить хочется большой цитатой из К. Поппера, считавшего глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносит лишь новые беды, ибо вернуться в мнимый “утраченный рай” тоталитаризма невозможно. “Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь — путь в открытое общество” [Поппер 1992, с. 248].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Заостровцев А. П. (2014^a) История по Асемоглу-Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 32–43.
- Заостровцев А. П. (2014^b) О развитии отсталости. Как экономисты объясняют историю? М.: М-Центр.
- Ключевский В. О. (1958) Курс русской истории в 8 т. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Клямкин И. М. (2011) Демилитаризация как историческая и культурная проблема // *Куда ведет кризис культуры?* М.: Новое издательство. С. 261–275.
- Паин Э. А. (2009) Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Печчеи А. (1985) Человеческие качества. М.: Прогресс.
- Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 1. М.: Феникс.
- Хафнер С. (2016) История одного немца. Частный человек против тысячелетнего рейха. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Яковенко И. (2011) Русская репрессивная культура и модернизация // *Куда ведет кризис культуры?* М.: Новое издательство. С. 191–210.

On Mythologeme of the “Special Path”

A. OBOLONSKY*

**Obolonsky Aleksandr* — doctor of sciences(law), professor at the National Research University “Higher-Scholl of Economics”. Address: 20 Myasnitskaya, Moscow, Russian Federation. E-mail: aobolonsky@hse.ru.

Abstract

The author contemplates on Russia's “special way” development concept. The article shows that this notion is an artificial construct propagated by engaged mass media and serves the interests of authoritarian leaders by introducing the idea of cultural determinism into mass consciousness. The author claims that Russia can abandon the “special path” imposed on it and go along a civilized development path.

Keywords: “Special Path”, pseudo-modernization, mythology, legitimating an authoritarian regime, ideology.

REFERENCES

- Haffner S. (2016) *Istoriya odnogo nemtsa. Chastniy chelovek protiv tisyachiletneho reikha* [The history of one German. A particular person against a thousand-year-old reich]. St.-Petersburg: Izdatelstvo Ivana Limbakha.
- Klyamkin I. (2011) Demilitarizatsiya kak istoricheskaya i kulturnaya problema [Demilitarization as a historical and cultural issue]. *Kuda vedyot krisis kulturi?* [Where does the culture crisis lead to?]. Moscow: Novoe izdatelstvo, pp. 261–275.
- Klyuchevskiy V. (1958) *Kurs russkoy istorii v 8 tomakh*. T. 4 [The course of Russian history in 8 volumes]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatelstvo politicheskoy literatury.
- Pain E. (2009) *Rasputista: polemicheskiye razmishleniya o predopredelennosti puti Rossii* [Season of bad roads: polemics on predestination of Russia's way]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Peccei A. (1985) *Chelovecheskiye kachestva* [Human qualities]. Moscow: Progress.
- Popper K. (1992) *Otkritoye obshestvo i ego vragi*. V 2-kh t. T. 1 [Open society and its enemies]. Moscow: Feniks.
- Yakovenko I. (2011) Russkaya repressivnaya kultura i modernizatsiya [Russian repressive culture and modernization]. *Kuda vedyot krisis kulturi?* [Where does the culture crisis lead to?]. Moscow: Novoe izdatelstvo, pp. 191–210.
- Zaostrovtssev A. (2014) Istoria po Asemoglu — Robinsonu: instituti, razvitiye i predeli avtoritarnogo rosta [The history according to Asemoglu-Robinson: institutions, development, and the limits of authoritarian growth]. *Obshchestvennye nauki i sovremenost'*, no. 3, p. 32–43.
- Zaostrovtssev A. (2014) *O razviti i otstalosti. Kak ekonomisti ob'jasnyayut istoriyu?* [On development and backwardness. How do economists explain history?]. Moscow: M-Tsentr.